
От редакции

Тони Джадт (1948–2010) — известный британский философ, интеллектуал, специалист по новейшей истории европейских стран. Профессор Нью-Йоркского университета, директор-учредитель Института Ремарка, одна из главных целей которого — способствовать сближению между американцами и европейцами. В 1996 г. Джадт стал членом Американской академии наук и искусств. В 2008 г. получил европейскую премию за книгу «После войны», посвященную политическим и духовным процессам в послевоенной Европе. В 2009 г. он получил премию Оруэлла «за беспримерный вклад в развитие британской политической мысли». Тони Джадт — автор книг *Identity politics in a multilingual age* (2004); *Postwar: A history of Europe since 1945* (2005); *Reappraisals: Reflections on the identity politics* (2008). О чем бы ни писал Джадт, во всех его работах присутствует одна из ключевых тем: сложные конфликты и парадоксы европейской истории, которые стали еще острее и поставили новые проблемы после 1989 г. По мысли Джадта, их можно решать только сообща, в содружестве Восточной, Западной Европы и России. Джадт создал целую школу, воспитал молодых исследователей. Его ученики вспоминают Джадта как одного из самых любимых, культовых преподавателей, внимательного и требовательно-жесткого, одаренного лектора, способного увлечь даже самых равнодушных. Мы публикуем мемуарный очерк покойного историка. Сегодняшний читатель найдет в нем бесценный опыт точного самоанализа, объясняющий непростой путь в науку. Это последний текст ученого, написанный им, вернее записанный и расшифрованный его помощником, когда Джадт уже не мог двигаться, когда с каждым днем сужалось пространство его жизни, но оставалось одно — мысль, работающая по-прежнему ясно и бесперебойно. Материал опубликован через неделю после смерти Джадта в августовском номере журнала *The New York Review of Books*, с которым профессор Тони Джадт постоянно сотрудничал без малого четыре десятилетия.

Тони Джадт

МЕРИТОКРАТИЯ¹

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2010 г.

Я поступил в кембриджский колледж Кингс в 1966 г. Наше поколение было одним из, а возможно, и тем самым переходным поколением. Пик шестидесятых остался позади, моды пришли и ушли, «Битлз» готовились записать альбом Sgt. Pepper, но Кингс все еще был удивительно традиционен. Обед в колледже имел вид торжественной и обязательной церемонии, проводившейся в мантиях. Студенты занимали места, ожидали появления профессоров и стоя приветствовали длинную вереницу почтенных джентльменов, шаркающих мимо них к своему столу.

Слово «почтенные» в данном случае не относительное понятие. Процессию заслуженных профессоров во главе с бывшим ректором сэром Джоном Шепердом (г. р. 1881), как правило, составляли сэр Фрэнк Эдкок (г. р. 1886), Э. М. Форстер (г. р. 1879) и другие господа в столь же почтенных летах. Таким образом, сразу становилась понятна связь между поколением людей, родившихся в послевоенную эпоху «государства всеобщего благосостояния», и миром Кингса в последние годы правления королевы Виктории: возраст Форстера, Руперта Брука и Джона Мейнарда Кейнса, излучающих такую культурную и социальную уверенность в себе, о которой мы не могли и мечтать. Старики, казалось, органично сливались с выцветшими портретами на стенах над ними: без специального подчеркивания этого факта преемственность была для нас очевидна.

И тем не менее мы были первопроходцами. Ко времени нашего выпуска мантии, конфедератки, часы закрытия и открытия ворот и менее значительные предписания — все они действовали, когда мы поступили, — стали предметом приятной ностальгии. Однажды в течение моего первого семестра, будучи увлеченным, хотя и средним, регбистом, я поехал в составе команды в Оксфорд, чтобы сыграть (и проиграть) Новому колледжу. Вернулись мы поздно: следствие наполовину удавшейся попытки устроить погром в уборной принимавшей стороны и осеннего тумана. Я стоял у входа в общежитие: оно было закрыто, а пропуска для прохода в позднее время у меня не было. Град камней разбудил моего приятеля. Он спустился вниз, чуть дыша: «Не показывайся на глаза коменданту!» Нечего и говорить, что объяснить эту историю сегодняшнему студенту Кингса непросто; но она звучала бы так же неправдоподобно

¹ Judd Tony. New Meritocrats // York Review of Books. 2010. 19 August (*пер. с англ. Н. Микшиной*).

для любого, кто поступил туда двумя годами позже нас. Перемена произошла внезапно.

Кингс гордился энтузиазмом, с которым принимал все новое, в том числе радикально новое. «Старожил» колледжа объяснил бы новичку, что закрытые ворота и дисциплинарный регламент — всего лишь формальность. Это казалось обидным для дежурных и инспекторов общежития, отвечавших за соблюдение этих требований, — раннее введение в специфику социального положения в Кембридже: будучи представителями богемы среднего класса по своему мировоззрению, если не образу жизни, в основном сотрудники колледжа с благодушной улыбкой принимали нарушения правил, которые должны были отстаивать.

Колледж также ответствен за ужасный студенческий бар, открытый вскоре после нашего поступления. Стремившиеся быть современными во всем, сотрудники одобрили дизайн, который более, чем что-либо другое, напоминал зал вылета в аэропорту Гэтвик и был выбран именно по этой причине: Кингс, основанный в 1441 г., не должен был «заикливаться» на своем наследии, особенно теперь, когда для столь многих студентов высшее общество Оксбриджа ничего не значило. Как один из этих «новых» студентов Кингса — первый человек в моей семье, кто окончил среднюю школу, не говоря уже об университете, — я могу сказать, что предпочел бы напыщенную обстановку джентльменского клуба XIX века псевдобесклассовости того бара. К счастью, этот эксперимент не был типичным. Колледж сохранял достаточную самоуверенность, чтобы дать своим студентам успокоительное чувство преемственности и тождественности.

Для меня, жителя южной части Лондона, который никогда не был севернее Лестершира, наше поколение Кингса было не только социально, но и географически неоднородно. Я впервые увидел мальчиков с полуострова Виррал, из графства Йоркшир, Тайнсайда, Восточной Англии и с «кельтской окраины». В значительной мере они были, как и я, выпускниками селективных государственных бесплатных школ и так же стремились к лучшему уровню жизни: мы должны были благодарить Закон об образовании 1944 г. (Закон Батлера) за то, что учились в Кембридже, хотя для некоторых из нас социальная пропасть, через которую нужно было навести мосты, была действительно огромна. Мать Джона Бентли, первого мальчика, поступившего в Кингс из общеобразовательной средней школы², рассказывала моим родителям на выпускном вечере, что, когда люди спрашивали ее на улице, где ее сын и чем он занимается, ей хотелось ответить, что он «снова в Борстале»³, — это был более правдоподобный и совершенно приемлемый от-

² Незадолго до этого введенные неселективные средние школы, которые вскоре должны были стать универсальными и заменить, по замыслу лейбористского правительства того времени, все селективные государственные школы.

³ Исправительное заведение для преступников-подростков.

вет, — чем признаваться, что он катает девочек на плоскодонке вдоль реки Кем.

Где-то еще в колледже, несомненно, скрывались группы мальчиков из элитных частных школ; возможно, их было большинство. Но я был близко знаком только с одним таким мальчиком — моим соседом Мартином Поляковым, правнучатым племянником Полякова, строившего железные дороги в России, большим оригиналом из Вестминстерской школы с острыми прядями на голове, который затем стал кавалером ордена Британской империи, состоял в Королевском научном обществе и получил известность как популяризатор химии среди молодежи. Едва ли ваш типичный фронт.

Мой Кингс был олицетворением меритократической послевоенной Англии. В большинстве своем мы поступили в колледж, хорошо выдержав экзамены, и удивительно, сколь многие из нас избрали своей профессией занятия, отражавшие наши ранние таланты и интересы. Поколение студентов Кингса, поступивших в 1966 г., выделялось выбором карьеры: чаще, чем какая-либо группа до или после нас, мы выбирали образование, государственную службу, высшие журналистские круги, гуманитарные науки и недоходные свободные профессии.

Таким образом, вполне закономерно, что наиболее многообещающий экономист нашего поколения Мервин Кинг стал главой Банка Англии, а не инвестиционным банкиром или управляющим хеджевым фондом. До нас талантливые выпускники Кингса, без сомнения, шли теми же путями. Но некрологи старшего поколения показывают, что многие из них вернулись к семейному бизнесу или традиционным профессиям их отцов и дедов.

Что касается тех, кто пришел после нас, грустно отмечать, как быстро и сколь многие выпускники 1970-х и последующих годов ушли в мир управления частными финансами, коммерции и более прибыльных областей права. Возможно, мы не должны их осуждать; в наше время работы еще было достаточно, и мы могли греться в уходящих лучах послевоенного благополучия. И все же очевидно, что наше родство душ объяснялось чем-то еще.

Я спрашивал своих сверстников, почему они выбрали Кингс. Очень многие не имели ясного ответа: одни выбрали по названию, потому что восхищались часовней, другие — потому что звучало необычно. Некоторые, в основном экономисты, говорили, что выбрали колледж из-за Кейнса. Но я подал заявление в Кингс по вполне определенным причинам. Я был бунтарем в школе: бросил занятия на второй год шестого класса, и мои учителя язвили, что никакой другой колледж в Оксбридже не обратит на меня внимание. А Кингс, как им, видимо, казалось, был достаточно оригинален, чтобы увидеть во мне родственную душу. Я понятия не имею, стал бы рассматривать мое заявление какой-нибудь другой колледж или нет; к счастью, мне не пришлось это выяснять.

Преподавание в колледже было своеобразным. Большинство моих кураторов — Джон Солтмарш, Кристофер Моррис и Артур Хибберт — ничем не прославились, опубликовали мало и были известны только студентам Кингса. Благодаря им я приобрел не только налет интеллектуальной самоуверенности, но и неизменное уважение к учителям, равнодушным к славе (и достатку) и вообще ко всему, кроме своего кресла.

Нас никогда не учили с конкретной целью успешной сдачи Tripos — выпускных экзаменов в Кембридже. Мои учителя были в высшей степени незаинтересованы в публичных действиях любого рода. Это не значит, что им не было дела до экзаменационных оценок; они просто считали само собой разумеющимся, что нам поможет природный талант. Сегодня трудно представить себе таких людей, по крайней мере потому, что они бы оказали очень плохую финансовую услугу колледжу, учитывая программу⁴, на основании которой британское правительство оценивает «академические результаты» и соответственно распределяет денежные средства.

Возможно, я не могу оценивать 60-е годы в Кингсе. Я продолжал писать там научную работу и состоял в членах совета в течение шести лет, пока в 1978 г. не перебрался в Беркли: мои воспоминания заслоняют более поздние события. Кингс Ноэля Аннана — ректора с 1956 по 1966 г. — уступил место Кингсу Эдмунда Лича (1966–1979), всемирно известного антрополога школы Леви-Стросса. Непосредственную самоуверенность поколения Аннана⁵ сменила определенная ироническая дистанция: с ректором Личем никогда не чувствовалось, что его глубоко волнует или что он безусловно верит в колледж как вместилище всего лучшего, что принес либеральный раскол эдвардианской эпохи. Для него это был просто еще один миф, требующий осмысления.

Но за что Лич действительно ратовал — больше, чем Аннан, и, конечно, больше, чем интеллектуально невыдающийся Джон Шеперд, — так это просто за мозги: акцент, который в дальнейшем усилился, когда на смену Личу пришел неподражаемый Бернард Уильямс. Я некоторое время состоял самым младшим членом совета выборщиков колледжа, куда входили Уильямс, Джон Данн, Сидней Бреннер (лауреат Нобелевской премии по медицине), сэр Фрэнк Кермод, Джеффри Ллойд (историк древнего мира) и сэр Мартин Рис (королевский астроном). Я никогда не терял ощущения, что это было обучение: остроумие, кругозор и прежде всего способность, как сказал Форстер в других обстоятельствах, соединять.

Я в величайшем долгу, хотя и не вполне понимал это в то время, перед Данном, тогда очень юным научным сотрудником колледжа,

⁴ Research Assessment Exercise, Программа оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях.

⁵ См.: Ноэль Аннан «Наше время: английские интеллектуалы между мировыми войнами — групповой портрет» (Рэндом Хаус, 1990), необыкновенно самоуверенный рассказ о поколении, еще не занимавшемся критическим самоанализом.

теперь выдающимся почетным профессором. Именно Джон в течение одного продолжительного разговора о политической мысли Джона Локка пробился сквозь мой хорошо вооруженный подростковый марксизм и впервые представил мне проблемы интеллектуальной истории. Для этого ему понадобилось просто внимательно выслушать все, что я говорил, принять это с потрясающей серьезностью и без искажений, а затем осторожно и твердо опровергнуть так, чтобы я мог согласиться.

Это обучение. Это также определенный вид либерализма: такой либерализм, который готов добросовестно работать с несогласными (или просто ошибочными) мнениями широкого политического спектра. Безусловно, такая терпимая интеллектуальная широта не ограничивалась Кингсом. Но, слушая друзей и ровесников, описывающих свой опыт в других местах, я иногда в этом сомневаюсь. Преподаватели в других заведениях часто казались разобщенными и занятыми или профессионально увлеченными только собой по типу худших образцов американских академических факультетов.

Теперь в Кингсе этого больше, чем когда-то. Как и во многих других отношениях, я считаю наше поколение счастливым: мы взяли лучшее от обоих миров. Поднявшись благодаря своим способностям до класса и культуры, доживавших последние дни, мы видели Оксбридж накануне упадка — за который, надо признать, мое поколение во многом ответственно, с тех пор как пришло к власти и заняло посты.

В течение сорока лет английское образование подвергалось катастрофичным «реформам», направленным на ограничение элитарного наследия и установление «равенства». Бедствия высшей школы прекрасно резюмированы Энтони Графтоном, но наибольший вред был нанесен средней ступени образования. Стремясь упразднить селективные государственные школы, позволившие моему поколению получить первоклассное образование за государственный счет, политики навязали государственному сектору систему принудительного понижающего единообразия.

Результатом, как и прогнозировалось с самого начала, стал расцвет селективных частных школ («общественные школы»). Родители, отчаявшись, платят большие деньги, чтобы вызволить своих детей из скомпрометировавших себя государственных школ; на университеты оказывается чрезмерное давление с тем, чтобы из этих последних были приняты недостаточно способные дети, и требования к поступающим соответственно понижаются; каждое новое правительство проводит реформы, направленные на компенсирование ущерба от провалившихся начинаний их предшественников.

Сегодня, когда британское правительство требует, чтобы 50% выпускников средней школы поступали в университет, разрыв в качестве образования, полученного меньшинством в частных школах и всеми другими, больше, чем за все время начиная с 1940-х

годов. Выпускники частных школ постоянно показывают лучшие результаты по сравнению со своими ровесниками из государственных школ — грязный маленький секрет, который никто не хочет признавать, но который вызвал панику у нового лейбористского правительства. Действительно, странно было бы бранить частные школы за успех на рынке и с восторгом награждать банкиров за то же самое.

Министры образования один за другим санкционировали и поддерживали «академии», тайно восстанавливая (с помощью частных финансов) сам процесс отбора, отменой которого из эгалитарных соображений они когда-то с такой гордостью хвалились. Тем временем в нынешнем британском кабинете министров больше выпускников частных школ, чем в течение нескольких десятков лет до этого (семнадцать, по моим подсчетам) и первый с 1964 г. премьер-министр из Итона. Возможно, мы должны были придерживаться меритократии.

Оказываясь по тому или иному случаю в Кембридже, я всякий раз поражаюсь ощущению неопределенности и упадка. Оксбридж определенно не устоял против демагогической моды: то, что началось как ироническая насмешка над собой в 1970-е («Кингс — это пять столетий правил и традиций, но мы не принимаем их всерьез. Ха! Ха!»), превратилось в настоящую неразбериху. Серьезное критичное отношение к эгалитаризму, которое мы видели в 1966 г., выродилось в нездоровую одержимость поддержанием видимости места, никак не связанного с элитарными критериями отбора или любыми социально-типическими занятиями.

Я не уверен, что с этим что-то можно поделать. Кингс, как и многое другое в современной Великобритании, стал объектом наследия. Он воспевает наследие инакомыслия, незаурядности и равнодушия к иерархии: посмотрите на нас — разве мы не *другие*? Но нельзя прославлять свои уникальные качества, если не понимаешь четко, чем они уникальны и ценны. Учебные заведения нуждаются в основательных традициях, и, боюсь, Кингс, как и Оксбридж в целом, потерял связь со своей традицией.

Я полагаю, что все это началось именно в те переходные годы середины 60-х. Мы, конечно, ничего этого не понимали. Мы получили как традиции, так и нарушения; преемственность и перемены. Но то, что мы завещали своим преемникам, было намного менее значительно, чем то, что мы унаследовали (это верно относительно всего послевоенного поколения). Либерализм и толерантность, равнодушие к стороннему мнению, горделивое ощущение особенности, сопровождающее прогрессивные политические убеждения: это противоречия, которые можно преодолеть, но только в учреждении, где не боятся утверждать свою особую форму элитарности.

Университеты *элитарны*: они выбирают наиболее способных представителей поколения и обучают их, по мере способностей возвращая элиту и систематически воспроизводя ее. Равные

возможности и равные результаты — не одно и то же. Общество, разделенное по принципу благосостояния и наследования, не может исправить эту несправедливость, скрыв ее в образовательных учреждениях — отрицая разницу способностей или ограничивая возможность отбора — и поощряя постоянно увеличивающийся разрыв в доходах во имя свободного рынка. Это просто ханжество и лицемерие.

Мое поколение считало себя в свое время одновременно радикалами и членами элиты. Если это звучит непоследовательно, это непоследовательность определенного либерального толка, которую мы интуитивно усвоили в ходе нашего обучения в колледже. Это непоследовательность патриция Кейнса, основавшего Королевский балет и Совет по искусствам Великобритании во имя всеобщего блага, но позаботившегося о том, чтобы ими управляли знатоки. Это непоследовательность меритократии: дать шанс каждому и преимущества талантливым. Это была непоследовательность моего Кингса, и мне повезло испытать ее на себе.